



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Л. Г. Хорева
г. Москва, Россия

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ СБОРНИКА «ДВА ЦАРСТВА»)

Аннотация: Проза Л. Петрушевской прочно занимает свою нишу в современной литературе, разделяя лидирующие позиции с произведениями А. Вампилова, Ю. Трифонова, Л. Улицкой, В. Пелевина. Однако литературоведы до сих пор испытывают затруднения в атрибутировании стиля писательницы, относя ее прозу то к наивному реализму, то к соционатурализму, то к прозе шоковой терапии, то к новой натуральной школе. В данной статье проза Л. Петрушевской, точнее рассказы ее сборника «Два царства», рассматривается с точки зрения их принадлежности к магическому реализму, основные константы которого объемно и полномасштабно представлены в названном сборнике. Главное и основное отличие рассказов Л. Петрушевской от творчества латиноамериканских писателей, развивавших направление магического реализма, состоит в природе главных героев. Активные — истинные герои новелл — сказок Л. Петрушевской противостоят пассивным — ложным героям литератур стран Латинской Америки, что в итоге приводит к созданию новой художественной системы магического реализма.

Ключевые слова: Л. Петрушевская, магический реализм, новелла, сказка, картина мира, мифотворчество.

Информация об авторе: Лариса Георгиевна Хорева — кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия. E-mail: novella2000@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.08.2017

Дата публикации: 15.03.2018

Поэтика прозы Л. Петрушевской давно стала притчей во языцех для литературоведов и литературных критиков. Предметом обсуждения становились темы, герои, язык, уникальная авторская индивидуальность, жанровое своеобразие короткой прозы. При этом мнения критиков, исследующих творчество писательницы, часто оказывались взаимоисключающими. Так, Л. Улицкая причисляет Л. Петрушевскую к социальным писателям, чья функция — поставить диагноз современному обществу, именно этим обусловлен интерес к маргинальным героям или к «маленькому человеку» — современному представителю среднего класса, к быту, который его окружает: грязные коммуналки, умирающие садовые товарищества и т. д. Е. Ованесян и Б. Кузьминский дают крайне негативную оценку творчеству Л. Петрушевской, обвиняя ее в вульгарности и полном отсутствии литературного начала. Т. Морозова видит сильное начало Л. Петрушевской в разговорном стилистике ее прозы и сопоставляет ее со сплетнями. Поскольку все люди, по мнению исследовательницы, так или иначе откликаются

на сплетни, то и литературное творчество Л. Петрушевской мало кого оставляет равнодушным, и именно в этом кроется тайна ее успеха. С этим утверждением отчасти согласен М. Липовецкий, который считает, что разговорное начало становится визитной карточкой творчества писательницы, эдакой певицы злобы дня. Михаил Золотоносов убежден, что талант Л. Петрушевской заключается в уникальности представления своих произведений — некоей игре с читателем, в которой писательница рисует яркими мазками современное общество, состояние культуры и науки.

На наш взгляд, уникальный стиль короткой прозы Л. Петрушевской — сплав фантастики и костюмбизма — говорит о многом. Нечто подобное мы наблюдаем в литературе стран Латинской Америки, где в 1980-е гг. писатели сознательно разрабатывали и развивали такое направление, как «магический реализм», наилучшим образом отражающий сплав мифологического сознания и современного мышления.

Рассмотрим более подробно явление магического реализма и постараемся разобраться в причинах, вызвавших его появление.

Термин «магический реализм» впервые появляется в труде Ф. Роо «Постэкспрессионизм. Магический реализм» (1925) и применяется для описания особой — искаженной — пространственно-временной реальности, проявляющейся на полотнах великих художников. В литературу этот термин впервые входит в конце 20-х гг. XX столетия. Как ни странно сегодня это звучит, первое рождение магического реализма получает в итальянской литературе, где несколько лет даже существует одноименное течение, призванное побуждать авторов открывать загадочную, подчас необъяснимую сторону реальной жизни и соединять обыденное и удивительное. Однако уже через несколько лет итальянские писатели утратили всякий интерес к новому течению. Магический реализм тем не менее не исчезает, переживая очередной виток развития то в Германии, то в Венгрии, то в Великобритании. Но справедливости ради надо сказать, что эти вспышки носили весьма слабый характер, и едва ли сегодня даже серьезный специалист вспомнит имена писателей (Э. Кройдер, Г. Казак и др.), разрабатывавших это направление в вышеназванных странах. В 60–70-х гг. XX в. магический реализм возрождается уже за океаном, и в этот период наступает поистине его золотой век. Произведения Х.-Л. Борхеса, Х. Кортасара, Г. Г. Маркеса, М. Астуриаса, А. Карпентьера и многих других латиноамериканских авторов — мексиканских, аргентинских, кубинских — прочно заняли первые места литературного пьедестала не только на латиноамериканском континенте.

Подобный феномен легко объясним. Магический реализм полностью отвечал всем требованиям существующей этнической и мифологической картины мира латиноамериканцев середины XX в., которая весьма отличалась от картины мира англичан, итальянцев, немцев, что и объясняет, на наш взгляд, быстрый уход этого литературного течения из европейской литературы в первые десятилетия XX в. Что же представляла собой картина мира латиноамериканцев середины XX в.? Это был поистине уникальный сплав мифологического сознания и современного мышления. Большинство стран Латинской Америки, получив политическую независимость в конце XVIII – начале XIX вв., еще почти два столетия зависит от метрополии в культурном и литературном аспектах, копируя и тиражируя в большинстве случаев имеющиеся образцы. Лишь в прошлом столетии писатели задались вопросом создания национальной литературы с чистого листа. Но для этого литературный процесс в Латинской Америке должен был пройти все стадии, начиная со стадии долитературных устных речевых жанров: притчи и сказки.

Отечественная литература XX и XXI вв., как и европейская, имеет мало общего с латиноамериканской литературой и культурой. В отличие от последних, русская литература прошла длительный путь становления и развития, и возвращаться к истокам никакой надобности у нее нет. Тем не менее целый ряд современных отечественных авторов обращается к этому направлению в своем творчестве. Достаточно назвать имена Владимира Орлова, Виктора Пелевина, Ольги Славниковой, Дмитрия Липскерова, Андрея Таврова и других, получивших широкое признание как в России, так и за рубежом.

Странно, что мало кто из литературоведов рассматривает в этом же ключе творчество Л. Петрушевской, хотя тот же А. Немзер отмечает в качестве неотъемлемой характеристики творчества писательницы создание мифов, признавая при этом, что мифотворчество Л. Петрушевской отдает масскультом, а сама писательница во что бы то ни стало пытается превзойти В. Пелевина. Нам представляется, что гневные рецензии в адрес Л. Петрушевской нецелесообразны, поскольку писательница использует вполне конкретные приемы магического реализма с его законами и правилами. В частности, сборник Л. Петрушевской «Два царства» заставляет вспомнить фактически обо всех константах магического реализма, столь характерных для латиноамериканской литературы 1970–1980-х гг.

Почему Л. Петрушевская, как и ряд других писателей, обращается к этому довольно экзотичному направлению? Причин тому может быть несколько, и искать их надо в особенностях национального менталитета и национальной картины мира, которые складываются на протяжении веков и (так или иначе) всегда содержат отношение представителя данного этноса к изображаемому.

Русский этнос по своей природе склонен к мистике, к мечтательности. Ю. Лотман, анализируя русскую культуру, много писал о понятии «скрытая культура», находя ее истоки в далеком — татаро-монгольском — прошлом Руси. Христианство, только что принятое для объединения нации, оказалось подавленным иной культурой — татаро-монгольским игом на Руси. Формирование национальной идентичности идет в условиях борьбы с иноземным влиянием. Естественно, что в этот период русский этнос впитывает в себя чужеродную культуру, но одновременно с этим идет жесткое противостояние этой культуре, которая воспринимается как враждебная (хотя справедливости ради надо сказать, что отношения между двумя этносами носили не такой уж однозначный характер: нередки случаи крепкой дружбы, любви, браков, которые также находили отражения в литературе). Тем не менее длительный процесс освобождения от иноземцев-иноверцев не проходит бесследно для обеих наций. Согласно исследованиям Ю. Лотмана, долгая культурная изоляция от других христианских культур привела к тому, что существующая реальность приобретает для русского этноса некую призрачность и ирреальность. Культура в период владычества завоевателей воспринимается как «неправильное, испорченное свое», а «настоящее, подлинное, свое» помещается в далеком прошлом.

Установка на возрождение своей культуры возникает только после освобождения от татаро-монгольского ига, но все равно длительное время даже «возрожденное свое» все еще носит черты химерической, полусказочной, конструкции.

Стойкий штамп, что собственная культура скрыта под толщей веков и ознакомиться с ней можно лишь прочитав исторические хроники или сказки, где она завуалирована и зашифрована, до сих пор присутствует в русской картине мира. Отсюда повышенный интерес к сказочным сюжетам, трансформированным в мотивы двойничества, параллельных реальностей, всевозможной мистике, странных снов, происшествий и т. д., которые в изобилии присутствуют в сборнике Л. Петрушевской «Два царства».

Сюрреалистические преобразования героев рассказов Л. Петрушевской — попытки после смерти узнать-найти своего возлюбленного («Нагайна»), пересечение пространственно-временных пластов, коллапс времени («Измененное время»), встреча с умершими гениями («Лабиринт»), чудесное оживление умершей девочки («Дом с фонтаном»), общение с умершими людьми («Где я была»), реинкарнация («Новая душа») — становятся излюбленным мотивом писательницы. Герои принимают как должное фантастические события, вторгающиеся в их жизнь. Течение времени искажено во всех рассказах, персонажи, подобно героине новеллы «Измененное время», одновременно проживают несколько жизней в нескольких реальностях, даже не пытаются объяснить это обстоятельство хотя бы самим себе. На фоне фантазмагорических сюжетов, которые прекрасно уживаются с детальным описанием современного быта и условий жизни, Л. Петрушевская очень тщательно препарирует эмоции и душевные переживания героев, оказавшихся, словно на прокрустовом ложе, в жестких условиях современной реальности и всячески пытающихся как-то изменить течение собственной жизни. Многочисленные символы и образы окончательно дополняют картину магического реализма, широко и полно представленного в вышеназванном сборнике.

Анализируя вслед за Ю. Лотманом картину русской ментальности, польская исследовательница А. Вежбицкая выделяет «семантические характеристики, образующие смысловой универсум русского языка», к которому она относит эмоциональность, иррациональность, любовь к морали, неагентивность (т. е. ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, а их способность контролировать жизненные события ограничена). В этом она перекликается с утверждением А. Немзера касательно того, что персонажи ряда произведений Л. Петрушевской лишены личностных свойств.

Но с этим утверждением можно поспорить, опираясь на анализ новеллы «В доме кто-то есть» Л. Петрушевской из того же сборника, если сопоставить его с новеллой аргентинского писателя Хулио Кортасара «Захваченный дом».

Сюжеты обоих произведений практически идентичны: люди, живущие в доме, внезапно понимают, что их дома заняты чем-то или кем-то неизвестным и непознаваемым. В обоих случаях люди воспринимают это событие как вполне обыденное, но реагируют на него по-разному: в случае с аргентинским домом его обитатели, брат и сестра, вытесняемые мало-помалу из своих комнат, в конце концов, окончательно уходят, оставляя дом непознанному захватчику; в случае с русской квартирой ее обитательница, также осознав присутствие чего-то непонятного, враждебного, опасного для здоровья и жизни, понимает, что ей придется оставить свою территорию врагу, но при этом она решает применить стратегию выжженной земли, т. е. максимально уничтожить все, что может оказаться полезным врагу. Применяв стратегию на практике, т. е. разбив телевизор, доломав диван, выбросив в окно и дверь часть мебели, одежды и книги, женщина покидает свою квартиру, прихватив с собой кошку, которую решает оставить в подъезде. Но внезапно, в последнюю секунду, обернувшись посмотреть на брошенное животное, она понимает, что обрекает его на мучительную смерть, и, что хуже всего, кошка это понимает и уже, сгорбившись на пороге бывшего дома, готовится умирать. Внезапное чувство ненависти к неизвестному захватчику переворачивает все чувства и намерения главной героини. Она решает вернуться вместе с кошкой в свою квартиру, из оставшихся вещей обустраивает свой быт, кормит кошку и, когда та, отойдя от стресса, начинает есть, уже вполне рационально смотрит на ситуацию, найдя вполне логичные объяснения всем непонятным шорохам, звукам, скрипам.

У аргентинской новеллы совершенно иной финал: брат и сестра даже не пытаются сопротивляться чему-то неизвестному, принимая как аксиому, не требующую доказательств, что их дом захвачен. С течением времени, когда непонятный шум настигает их в последней комнате, они просто запирают за собой дверь и с пустыми руками уходят из родительского дома в неизвестность.

Проверенные годами рецепты «магического реализма» дают нам в итоге два разных продукта в русской и аргентинской литературе из-за разной природы главных героев. Герои аргентинской новеллы пассивны, героиня новеллы Л. Петрушевской хоть и под занавес, но демонстрирует свою активность и готовность взять на себя ответственность за свои поступки. В этом мы можем увидеть коренное отличие латиноамериканского магического реализма от его русского аналога.

Тема активного — истинного и пассивного — ложного героя в литературе не нова. Эту тему разрабатывал В. Пропп в своей знаменитой работе «Исторические корни русской волшебной сказки». Эта же тема чрезвычайно актуальна и для нашего исследования, учитывая жанровое сходство произведений магического реализма со сказками.

Истинные — активные — герои переламывают предлагаемый ход развития событий, принимают решения, несмотря на возможные негативные последствия. Персонажи Л. Петрушевской именно таковы: отец из «Дома с фонтаном», зная, что умрет, не дает дочери бутерброд с сырым сердцем, съедая его сам и принося тем самым себя в жертву; девочка из новеллы «Глюк» просит глюка спасти своих одноклассников, хотя знает, что после их спасения ее дар исполнения желаний исчезнет. Даже в рассматриваемой нами выше новелле «В доме кто-то есть» хозяйка квартиры проявляет себя как истинная героиня, именно поэтому в последний момент ей приходит на помощь «волшебный помощник» — домашняя кошка, за несколько минут заставившая свою хозяйку пересмотреть свою жизнь.

В литературе стран Латинской Америки мы ничего подобного не находим. Герои аргентинских новелл («Ночью на спине, лицом кверху», «Дальняя», «Гипсовое небо»), как правило, не проходят предложенных испытаний, теряют помощников (в роли которых также выступают животные или предметы) и, в конце концов, погибают, не проходя испытаний, выпавших на их долю.

В этом смысле житейские рассказы Л. Петрушевской достаточно оптимистичны, несмотря на мистику, игры в метемпсихоз, подчас гротескно демонстрируемую слабость интеллигенции, очевидно не способную противостоять жестокому внешнему миру. Ее герои сильны, способны взять на себя ответственность за свои поступки, и тем самым они ставят магический реализм на новые рельсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Ажгихина Н.* Парадоксы «женской прозы» // Отечественные записки. 1993. Т. 275, № 2. С. 323–342.
- 2 *Барзах А.* О рассказах Петрушевской: Заметки аутсайдера // Постскрипtum. 1995. № 1. С. 244–269.
- 3 *Бахтин М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- 4 *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- 5 *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М.: Изд-во ИВ АН СССР, 1987. 217 с.

- 6 Гоцило Е. Художественная оптика Петрушевской: ни одного «луча света в темном царстве» // Русская литература XX века: направления и течения. Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 1996. Вып. 3. С. 109–119.
- 7 Кортасар Х. Рассказы. СПб.: Амфора, 1999. 390 с.
- 8 Лейдерман Н., Липовецкий М. Между хаосом и космосом // Новый мир. 1991. № 7. С. 240–257.
- 9 Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- 10 Маркова Т. Н. Проза конца XX века: динамика стилей и жанров: материалы к курсу истории русской литературы XX века. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 165 с.
- 11 Немзер А. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 432 с.
- 12 Ованесян Е. Творцы распада (тупики и аномалии «другой прозы») // Молодая гвардия. 1992. № 3–4. С. 249–262.
- 13 Петрушевская Л. С. Два царства. СПб.: Амфора, 2007. 398 с.

© 2018. Larisa G. Khoreva
Moscow, Russia

MAGIC REALISM OF L. PETRUSHEVSKAYA ON THE EXAMPLE OF THE STORIES FROM THE COLLECTION “TWO KINGDOMS”

Abstract: Prose of L. Petrushevskaya firmly fills its niche in contemporary literature, sharing the leading position with the works of A. Vampilov, Y. Trifonov, L. Ulitskaya, V. Pelevin. However, literary critics still experience difficulties in attributing the writer's style, referring her prose to naive realism, then to socio-naturalism or to prose of shock therapy, then to a new natural school. The article deals with the prose of L. Petrushevskaya, and more precisely the stories of her collection “Two Kingdoms”, in terms of their belonging to magic realism, the main constants of which are fully represented in the collection. The main difference between the stories of L. Petrushevskaya and the works of Latin American writers, who had developed the magic realism, lies in the nature of their protagonists. Active heroes of short stories of L. Petrushevskaya's fairy tales confront passive heroes of Latin American literatures, which eventually leads to the creation of a new artistic system of magical realism.

Keywords: L. Petrushevskaya, magic realism, short story, fairy tale, mythopoetry, world views.

Information about the author: Larisa G. Khoreva — PhD in Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Miuskaya sq., 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: novella2000@mail.ru

Received: August 12, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Azhgikhina N. Paradokсы “zhenskoi prozy” [Paradoxes of “women's prose”]. *Otechestvennye zapiski*, 1993, vol. 275, no 2, pp. 323–342. (In Russian)

- 2 Barzakh A. O rasskazakh Petrushevskoi: Zametki autsaidera [On stories by Petrushevskaya: Notes of an outsider]. *Postskriptum*, 1995, no 1, pp. 244–269. (In Russian)
- 3 Bakhtin M. M. *Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: Towards philosophical bases of the Humanities]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
- 4 Vezhbitskaia A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition], introductory article by E. V. Paduchevoi. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 412 p. (In Russian)
- 5 Golosovker Ia. E. *Logika mifa* [The logic of myth]. Moscow, Izdatel'stvo IV AN SSSR Publ., 1987. 217 p. (In Russian)
- 6 Goshchilo E. Khudozhestvennaia optika Petrushevskoi: ni odnogo “lucha sveta v temnom tsarstve” [The art optics of Petrushevskaya: no “beam of light in the dark kingdom”]. *Russkaia literatura XX veka: napravleniia i techeniia* [Russian literature of the XX century: trends and currents]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UGPU, 1996, vol. 3, pp. 109–119. (In Russian)
- 7 Kortasar Kh. *Rasskazy* [Short stories]. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999. 390 p. (In Russian)
- 8 Leiderman N., Lipovetskii M. Mezhdru khaosom i kosmosom [Between chaos and cosmos]. *Novyi mir*, 1991, no 7, pp. 240–257. (In Russian)
- 9 Lotman Iu. M. *Vnutri mysl'ashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia* [Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
- 10 Markova T. N. *Proza kontsa XX veka: dinamika stilei i zhanrov: materialy k kursu istorii russkoi literatury XX veka* [The prose of the late twentieth century: the dynamics of styles and genres: the materials for the course history of Russian literature of XX century]. Cheliabinsk, Izd-vo Cheliab. gos. ped. un-ta Publ., 2003. 165 p. (In Russian)
- 11 Nemzer A. *Literaturnoe segodnia. O russkoi proze. 90-e* [Literary today. On Russian prose. 90s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 432 p. (In Russian)
- 12 Ovanesian E. Tvortsy raspada (tupiki i anomalii “drugoi prozy”) [The creators of decay (dead-ends and anomalies of “other prose”)]. *Molodaia gvardiia*, 1992, no 3–4, pp. 249–262. (In Russian)
- 13 Petrushevskaja L. S. *Dva tsarstva* [Two kingdoms]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2007. 398 p. (In Russian)